

Кимберли Кейтс
Ангел Габриеля

1995

Кейтс К.

Ангел Габриеля / К. Кейтс — 1995

Нет и не может быть для настоящей женщины дара более драгоценного, чем дар любви. «Первые леди любовного романа» Джудит Макнот и Джуд Деверо и восходящие звезды жанра Кимберли Кейтс, Андреа Кейн и Джудит О`Брайен дарят читательницам пять историй о любви. Любви прекрасной и волшебной, страстной и обжигающей, чувственной и святой. О любви, которая приходит неожиданно, чтобы стать светом во тьме и смыслом жизни...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кимберли Кейтс

Ангел Габриеля

Никогда воспоминания не бывают столь живы и ярки, как на Рождество.

Чарльз Диккенс

Я посвящаю эту повесть тем, кто многие годы подряд согревал наш праздник Рождества особым теплом. Я благодарю вас всех за чудесные воспоминания о прошлом.

Я благодарю мою дочь Кейт, которая трехлетней малышкой в поисках подарков забралась в огромный рождественский чулок, так что из него наружу торчали только ее лакированные туфельки.

Моего мужа Дэйва, который преподнес мне на Рождество в честь нашей помолвки кольцо с бриллиантами, спрятав его в старинной форме для пудинга, и мы счастливо живем с Дэйвом с тех самых пор.

Моих родителей Уоррена и Шерли Остром, которые в детстве радовали меня целой вереницей волшебных рождественских праздников, и я до сих пор не могу решить, какой же из них был самым лучшим. Я благодарю их за то, что каждое Рождество нас навещал Санта-Клаус, и за то, что они готовили к празднику множество необыкновенно вкусных вещей, а мы с моим братом Дэйвидом не только ели их сами, но и тайком угощали нашу любимую собаку.

Моего брата Дэйвида за то, что однажды он провел в битве со мной весь сочельник, для чего мы использовали две армии золотых и серебряных рыцарей, коробку с которыми родители разрешили нам открыть до прихода Рождества. Воспоминание об этом чудесном дне – одно из самых лучших, связанных с моим детством.

Пролог

Прижимаясь к стенам домов, маленькая детская фигурка в лохмотьях брела по лондонской улице: голодные светло-карие глаза, обветренное осунувшееся лицо и ноги, налитые усталостью от бесконечного хождения по занесенным снегом тротуарам. Горло охрипло от пения рождественских гимнов на пронизывающем ветру в напрасной попытке убедить прохожих купить ноты, которые с трудом удерживали заледеневшие пальцы.

«Как мало я продала сегодня!» – подумала девочка и еще больше съежилась, но уже от страха. К несчастью, в это Рождество стояла слишком холодная погода и даже самые добро-сердечные прохожие не останавливались, чтобы купить ноты у бродячей торговли.

У нее же было одно желание: лечь где-нибудь и уснуть в мечтах о пылающем огне в очаге и горячих пирогах с мясом, о матери, которой она никогда не знала. Она не решалась вернуться домой, в тесную каморку над трактиром «Красная собака». Она боялась. Конечно, она могла попытаться убедить отца, что сегодня торговля не шла и что она окоченела от холода. Но если отец будет пьян? Или, хуже того, трезв и тогда упадет на колени, станет умолять ее о прощении, и слезы потоками хлынут у него из глаз.

«Прости, голубка, но тоска раздирает мне душу... Я не могу жить без моей любимой Мойры...»

Тоска по жене, которую дочь не помнила, безысходность, истерзавшая душу Томаса Макшейна, положили конец его мечтам и погубили его голос, некогда лучший тенор в Ирландии, сделал его хриплым и неуверенным.

Алана понимала, что отец не желает ей зла. Но когда печаль становилась невыносимой, он отыскивал монеты, спрятанные ею где-нибудь в укромном уголке их крошечной каморки, и покупал единственное доступное ему утешение: бутылку джина.

Жестокий порыв ветра раздул рваные юбки Аланы, и они, словно холодные щупальца, обвили ее голые ноги. Мороз пробирал Алану до самых костей, так что у нее стучали зубы.

Но она не плакала, в этом не было никакого смысла: слезы ничего не изменят. Они никогда ничего не меняли. Все так же изо дня в день она будет бродить по улицам, продавая ноты гимнов и баллад, пока не сделается добычей одного из владельцев притонов, которые уже бросали на нее плотоядные взгляды. И станет одной из многих, одной из тех девушек, что зарабатывают на жизнь поблизости от Флит-стрит, продавая свое тело за похлебку или моток яркой ленты.

– Поберегись, девчонка! – раздался над ее головой громкий голос, и Алана отскочила в сторону с пути двух высоких сильных мужчин в лакейских ливреях. Она уже приготовилась дать им словесный отпор, но смолкла, увидев, кого они вели за собой.

Они вели за собой пони, белого, словно только что выпавший снег, с необычайно длинной золотистой гривой и пышным хвостом. Седло с серебряным галуном украшало его спину, расшитая золотом синяя попона прикрывала круп, как у рыцарских лошадей в давние времена.

– Какой чудесный рождественский подарок для молодого мистера Тристана! – заметил слуга ростом повыше. – То-то он обрадуется, когда его увидит.

Он сказал «подарок»? Этот пони – подарок для какого-то мальчика? Алана смотрела им вслед, и зависть закипала у нее в душе. Она в изумлении смотрела на пони и знала, что никогда в жизни не видела ничего прекраснее. Скоро он навсегда скроется из виду... Нет, она не могла этого перенести. Алана последовала за слугами через лабиринт улиц до богатых особняков, окна которых сияли в ночи, как маленькие солнца.

Она незаметно прокралась через ворота большого кирпичного дома и оказалась во дворе. Слуги привязали пони к столбу и скрылись за дверью. Осторожно Алана приблизилась к удивительному белому пони и протянула руку, чтобы хотя бы пальцем коснуться его шерсти. Пони заржал, потянулся к ней и начал жевать уголок ее рваной шали.

– Какой ты красивый! – шепнула Алана и сунула свою заледеневшую ладонь в тепло шелковистой гривы.

Она не слышала, как отворилась дверь дома, и пришла в себя только от грубого окрика рассерженного слуги:

– Эй ты! Что ты тут делаешь?

В тот же миг раздался возглас восхищения, который заставил Алану повернуть голову, и она увидела мальчика лет двенадцати, с блестящими черными волосами и со сбившимся набор галстуком. Он стремительно сбежал по ступенькам крыльца и бросился к пони. Заметив Алану, он остановился, глядя ей в лицо. Удивление появилось в его сияющих темных глазах.

– Я тебе сказал: убирайся отсюда, нищенка! – прорычал слуга, задыхаясь от ярости. Алана хорошо знала, что за этим последует удар, но мальчик встал между ними.

– Не надо! Ведь она ничего не сделала. – Мальчик улыбнулся, и Алану охватило непонятное чувство радости. – Здравствуй. Меня зовут Тристан Рэмзи, а тебя?

Алана не сразу поняла, что мальчик обращается к ней. Подростки, которых она знала, насмехались над младшими детьми и мучили их, они толкали и били их и наслаждались, когда дети плакали. Они никогда не улыбались и никогда не ласкали малышей. Алана недоверчиво смотрела на Тристана Рэмзи, ожидая, что вот-вот он изо всех сил ущипнет ее, так что она вскрикнет от боли.

– Меня зовут Алана, – наконец решилась девочка. Тристан Рэмзи гладил бархатистый нос пони испачканными краской пальцами, и его лицо выражало восторг и благоговение.

– Ты когда-нибудь видела такое чудо, Алана? – спросил Тристан, и Алана отрицательно покачала головой. – Я назову его Галахед. Как звали того рыцаря в легендах о короле Артуре.

Алана никогда не слышала о Галахеде, но если мальчик хвалил его, значит, рыцарь того заслуживал. Алане хотелось сесть у ног мальчика, как устраивалась она иногда у ног отца, и тот рассказывал ей истории о волшебных лебедях и сказочных ирландских королях. Должно быть, тоска появилась на ее лице, потому что мальчик, нахмурившись, вдруг стал очень серьезным.

Щеки Аланы вспыхнули под покрывавшей их грязью. Она расправила подол платья и спрятала под ним ноги в рваных башмаках, а шаль натянула так, чтобы скрыть большую дыру, через которую просвечивало колено.

Словно почувствовав ее смущение, мальчик опустил глаза. Потом, улыбнувшись, он снова обратился к ней:

– Знаешь, теперь, когда у меня есть Галахед, мне больше ничего не нужно. Поэтому мне не нужно и вот это.

Он порылся в кармане, вытащил что-то и положил это в руку Аланы. Предмет был твердый, круглый и теплый. Алана взглянула и чуть не выронила его из рук.

– Да это же целая гинея! – воскликнула она, как если бы он положил ей в руку звезду с неба.

– Мне ее подарили на Рождество. А теперь я дарю ее тебе.

– Я не могу ее взять, – пролепетала Алана.

– Мне не нужны деньги, – объявил Тристан великодушно. – Я буду самым великим художником на свете. Когда я стану взрослым, я отправлюсь в Рим, чтобы увидеть произведения Микеланджело, и сам нарисую что-нибудь еще более замечательное.

Рот Аланы округлился от удивления при виде уверенности Тристана, его твердой решимости, которая показалась бы странной в любом другом мальчике. Может, он воздержался от щипков именно потому, что приберегал их для какого-то Мики Анджело.

– Возьми ее, – сказал Тристан и сжал пальцы Аланы, чтобы из них не выпала гинея. – Это мое рождественское желание, а рождественские желания волшебные и всегда исполняются.

Алана смотрела мальчику в лицо, запоминая его черты. Упрямый подбородок, добрый красивый рот, созданный для улыбки, веселые темные глаза с озорными искорками, но все равно великодушные, какие редко встретишь. В этот миг Алана последовала бы за Тристаном Рэмзи куда угодно, только позови он ее.

– Волшебные желания, – повторила она, глядя на сияние золотой гинеи в своей испачканной ладони. Ей казалось, что она умрет от счастья. Она крепко сжала в руке монету и побежала к воротам, прежде чем Тристан успел заметить слезы в ее глазах.

Но Алана не выбежала на улицу, а спряталась за столбом и подождала, пока все не уйдут в дом. Затем она приблизилась к одному из сияющих в ночи окон и заглянула внутрь. Так, у окна, она и простояла почти до рассвета, наблюдая за рождественским праздником внутри, не чувствуя пронзительного холода, резкого ветра, темноты, забыв об отце, который ждал ее.

Когда в гостиной был опустошен последний бокал, съеден последний кусок рождественского пудинга и последний поцелуй прозвучал под венком из омелы, Алана наконец оторвалась от окна.

Она заметила, что наступил рассвет, и чувство вины охватило ее с ужасающей силой. Бедный папа, ведь он истерзался, ожидая ее! Но, отсутствуя она даже целую неделю, он все бы ей простил, увидев, что она заработала целую гинею.

Папа протянет руку, трясущимися пальцами схватит золотую монету и прижмет ее к груди, прославляя святых и свою незабвенную Мойру и обещая Алане купить новую теплую шаль, угля для очага и устроить пир, достойный великих древних королей Ирландии. А затем

гинея исчезнет неизвестно куда, как и несбыточные мечты, похожие на волшебные сказки, которые так любит рассказывать отец: о том, как он похитил у таинственного короля брошь, которой Алана закалывает свою шаль, и о том, как в один прекрасный день невеста откуда у них появится замечательный дом, во дворе – стада откормленных гусей, а в доме кровати с перинами, набитыми гусяным пухом.

Алана невольно вздрогнула, представив, как гинея исчезает в грязном кармане отца.

Нет, ни за что – рождественская гинея Тристана Рэмзи по праву принадлежит только ей одной. Она никогда не расстанется с подарком, как бы голодно и холодно ей ни было. Она сохранит ее как память о мальчике с ослепительной улыбкой и смеющимися глазами по имени Тристан и о пони, названном Галахедом. Она сохранит ее как напоминание о волшебстве Рождества и о том, что желания и мечты обязательно сбываются, если ты твердо веришь в них.

Она поклялась себе, что каждое Рождество будет приходить к этому окну, чтобы снова увидеть камин, украшенный гирляндами остролиста, и евангельские истории, разыгрываемые перед огнем. И будет представлять себе, что она там, в доме, вместе со всеми членами семьи Рэмзи, и что темные глаза Тристана смотрят в ее глаза и что осуществились все до единого ее желания.

Глава 1

Шестнадцать лет спустя...

Никто не должен оставаться в одиночестве на Рождество, но Алана Макшейн никогда не знала ничего другого, кроме одиночества. Она прижала руку в митенке к покрытому морозными узорами стеклу, набираясь мужества, чтобы в последний раз заглянуть в комнату. И навсегда попрощаться с мечтой, которая никогда не осуществится.

Сегодня она расстанется с тем, что никогда не станет ее жизнью: беззаботным смехом, нежными объятиями любящих рук, гирляндами остролиста, рождественским пудингом и поцелуями под венком из омелы.

И еще она навсегда расстанется с Тристаном Рэмзи.

Как хотелось ей погрузить свои пальцы в черные волны его волос, что она делала только в мечтах... Как хотелось ей прижаться губами к его губам, вкуса которых она никогда не узнает... Она дрожала всем телом, ловя полный страсти взгляд его черных глаз, но этот взгляд предназначался не ей.

С тех пор как Алана себя помнила, она всегда любила Тристана Рэмзи, но пришло время посмотреть правде в глаза. Потому что, сколько бы она ни стояла снаружи у окна, на свете не было магической силы, способной перенести ее с морозной улицы в теплую гостиную, наполненную смехом Тристана. Самая пылкая мечта не могла превратить ее в женщину, достойную того, чтобы Тристан ввел ее в праздничный мир Рождества и своей любви.

Алане исполнилось семнадцать, когда она заметила первые признаки надвигающейся беды: она увидела, что Тристан поддался чарам воспитанницы своего отца, хрупкой белокурой красавицы, нежной, словно оранжерейный цветок. В то далекое Рождество Тристан вступал в будущее вместе с невестой и сонмом надежд. Будущее, в котором Алане не было места.

Сердце ее было разбито, и она потом целых семь лет не приближалась к окну, убеждая себя, что не нужна Тристану, что не имеет больше права опекать его издалека. Но как бы она ни отдалялась от Тристана, Алана не могла разорвать мистические узы, возникшие между ними в то Рождество, когда он вложил ей в руку гинею. Эти узы не прервутся никогда, даже если ее с Тристаном разделит равнодушная вечность.

И вот теперь она снова у знакомого окна. Резкий ветер срывал с ее головы простой серый капор, трепал пряди рыжевато-каштановых волос, заставлял слезиться и без того мокрые глаза. Алана вытерла слезы, сердясь, что горюет о потере того, что никогда ей не принадлежало.

Она приготовилась заглянуть в дом, заранее зная, что там увидит: блики огня на модных атласных бальных платьях, белоснежные накрахмаленные воротнички, подпирающие твердые мужские подбородки, веселые игры и танцы, и вверху, над головами, украшенный лентами, яблоками и горящими свечами венок из омелы, привлекающий для поцелуев то одну, то другую пару.

Но, заглянув в окно через стекло и через вереницу лет, так надолго отделивших ее от праздника внутри, Алана в потрясении прикрыла рот невольно задрожавшей рукой. Ни единая веточка остролиста не украшала гостиную, и комната была погружена в грустный полумрак.

Куда же все подевались? Куда пропали смеющиеся сестры Тристана, его надменный отец и цветущая розовощекая мать, заботливо опекавшая свое семейство? А где сам Тристан?

Может, за те семь лет, что Алана запрещала себе приходить сюда на Рождество, семейство Рэмзи навсегда покинуло свой уютный дом? Скорбь потери сжала ей сердце, как если бы в доме жили ее родные.

И вдруг Алана увидела его. Без сюртука, в рубашке и черных панталонах, он сидел в кожаном кресле, сгорбив широкие плечи и подперев голову рукой. Беспокойные пальцы ворошили темные волосы, лицо с обострившимися чертами было угрюмым и печальным.

– Тристан, – позвала она шепотом, но, конечно, он не мог ее услышать. Не мог он и догадаться, что она стоит за окном. – Боже мой, Тристан, в чем дело? Что случилось? – снова спросила она, обращаясь скорее к небесам, чем к самому Тристану.

В этот момент дверь комнаты отворилась, и на пороге появился мальчик лет семи. Сын Тристана, тут не могло быть никакого сомнения. Он был в ночной рубашке и с такими же, как у матери, золотистыми белокурыми локонами. Но его лицо было точной копией лица Тристана. Бледный грустный ребенок расправил свои узкие плечики, как если бы собирался противостоять некой опасности.

Тот Тристан, которого Алана знала в прошлом, схватил бы сына в объятия, приласкал и утешил его, как утешил много лет назад девочку-нищенку. Но этот новый Тристан мгновение колебался, решая, прикасаться ли ему к ребенку, потом поднялся с кресла и вышел из комнаты.

Алана хотела остановить его, встряхнуть за плечи, спросить, что погасило свет в его глазах, изгнало великодушие из его сердца. Она хотела понять Тристана. Но это было так же неосуществимо, как если бы она пожелала прижаться своими губами к его строго сжатым губам.

Почти волоча ноги, мальчик приблизился к окну и отвлек Алану от ее размышлений. Алана отступила в тень, а мальчик открыл раму пухлыми детскими ручонками и выглянул наружу.

Лунный свет отразился в его глазах, слишком взрослых на детском лице, снежинки упали на покрытый веснушками нос и розовые младенческие губы, плотно сжатые, чтобы не поддаться горю. Мальчик поднял голову вверх, словно ища в небесах ответа на свои вопросы.

– Мама? – неуверенно позвал он дрожащим голосом. – Это я, Габриель. Ты ведь там,верху, на звездах?

Алана изо всех сил закусила губу. Сколько раз она так же доверяла свои обиды, печали и редкие радости ночному небу, будто там, за туманной звездной пеленой, скрывалось лицо ее матери.

– Папа говорит, ты теперь в раю, – продолжал мальчик. – Он сказал, ты слышишь мои молитвы. Но я ему больше не верю. Он всегда говорит, что рождественские желания сбываются, но на прошлое Рождество я так просил, чтобы ты выздоровела, и наступила весна, и ты ушла от нас. И сколько я ни молился, ты не вернулась. Мне все равно, если у нас не будет рождественского пудинга и мы никогда больше не станем играть в «Сокровище дракона». Мне даже все равно, если я никогда не получу в подарок такого пони, какой был у папы. Рождество ведь для совсем маленьких детей. – Вздох сожаления сопровождал эти храбрые слова. – Я только хочу... – У мальчика задрожал подбородок, и Алана заметила, каких усилий ему стоило унять эту дрожь. – Мне все равно. Сколько бы я ни желал, чтобы папа смеялся, как прежде, этого больше не случится. На свете не бывает чудес, мама. – Он говорил уже почти шепотом. – Может быть, и ангелов-то нет.

Сын Тристана закрыл окно. Щеки Аланы были мокрыми от слез, сердце болело при воспоминании о печальном маленьком личике и о лице Тристана, которое так неузнаваемо изменилось.

«Неужели Тристан так сильно любил свою жену? – с мукой спросила себя Алана. – Так ли глубоко, как мой отец любил мать?»

Отец Аланы на похоронах умолял, чтобы его положили в могилу вместе с женой. Алана снова вспомнила лицо Тристана. Только беспрельдно любивший человек может так измениться после смерти своей любимой.

Алана ощутила прилив горячей ревности к женщине, делившей с Тристаном его жизнь, его ложе и родившей ему сына. И тут же устыдилась и попрекнула себя за то, что так долго не

приходила к окну и позволила некоей зловещей силе проникнуть в дом и нанести вред женщине, которой она завидовала.

– Девять часов пополудни и все спокойно! – раздался крик сторожа, и Алана вздрогнула.

Ей следовало спешить. Наконец она накопила достаточно денег, чтобы оставить этот город, начать новую жизнь вдали от лондонских трущоб, там, где никто не будет знать, кто она и откуда явилась. Здесь перед ней столько раз захлопывались двери, не впуская ее в приличное общество, что у нее не осталось выбора.

«На свете не бывает чудес, – повторила про себя Алана слова мальчика. – Рождественские желания никогда не сбываются...»

Алана прикоснулась к талисману, спрятанному на груди под корсажем платья: монете, висевшей на изношенном шнурке. Самодельное украшение постоянно напоминало Алане о том далеком дне, когда мальчик Тристан вынул из кармана рождественскую гинею и протянул ее Алане, и с тех самых пор монета хранила тепло, согревавшее Алану все эти годы. Гинея не только согревала ее, но изменила всю ее жизнь, как если бы обладала некоей таинственной волшебной силой.

Может ли она теперь оставить Тристана на произвол судьбы? Алана так долго бессильно наблюдала, как ее отец погружается в бездну горечи и отчаяния. Чего бы ей это ни стоило, она не обречет Тристана на судьбу Томаса Макшейна, не бросит его в непроглядной тьме пещеры, из которой нет выхода.

Алана взглянула на небо, где на горизонте уже клубились фиолетово-черные облака, предвестники жестокой стужи. Новый яростный порыв ветра напомнил ей, что она должна пересечь весь город, чтобы добраться до своей комнатки и закончить приготовления в дорогу, а метель уже вот-вот начнется.

Но некая сила вопреки логике заставила ее открыть ридикюль и коснуться спрятанного внутри кошелька с драгоценным грузом монет, собранных на дорогу в Америку за многие годы труда в шляпной мастерской мисс Крамб.

Вес монет был ничтожен по сравнению с тяжестью рухнувшей мечты Тристана Рэмзи. Пришло время и ей совершить чудо. Для Тристана и для маленького мальчика, говорящего с ангелами.

* * *

Как обычно, мальчик плакал до тех пор, пока не заснул.

Тристан стоял у кровати и с раскаянием смотрел на прелестное в своей беззащитности лицо сына. Слезы еще не высохли на щеках Габриеля, и одной рукой он прижимал к себе тряпичного пони – последний рождественский подарок матери.

По злой случайности это Рождество превратилось в настоящее бедствие. Сначала все казалось очень простым: найти для сына временную гувернантку, а затем посадить его в дилижанс, отправляющийся в Йоркшир, где живет Бет, сестра Тристана. Габриеля там ждал сюрприз: первая встреча с новорожденным сыном Бет, племянником Тристана, и участие вместе со всей семьей в рождественском празднике. Ну а сам Тристан... Сам Тристан останется здесь, чтобы не омрачать веселье тех, кто его любит.

Но он так и не сумел найти гувернантку: как всегда, стоило ему заняться сыном, как неудачи начинали настойчиво преследовать его. Да и сам Габриель упорно сопротивлялся идее отправить его к тетушке, что не только удивляло, но и раздражало Тристана.

«И почему я такой слабовольный? – упрекал себя Тристан. – Я должен был бы силой посадить Габриеля в дилижанс невзирая на его упорство, пусть даже с воплями и слезами».

Но Габриель никогда бы не унизил себя подобными детскими выходками. Габриель со своей внешностью херувима был старше других детей даже тогда, когда только начинал делать

первые неуверенные шаги. Его большие темные глаза были очень серьезными, без свойственной ребенку проказливости, и в то же время полными решимости. Решимости сделать что? Вести себя как маленький мужчина? Заботиться о матери, в то время как отец... Тристан почувствовал, как у него сжалось горло.

Нет, не надо ворошить прошлое. К тому же Тристан собирался раз и навсегда покончить с этой проблемой. Он придумал выход из положения, который удовлетворит всех. И чем быстрее дело завершится, тем лучше. Тристан стиснул зубы. Еще две недели, и сын покинет этот дом.

И вообще ему, Тристану, пора отправляться к себе в кабинет, где его поджидают кипы принесенных из конторы бумаг. Компания «Рэмзи и Рэмзи» в любое время была готова завалять работой самое малое дюжину служащих. И все же сегодня Тристан не мог заставить себя сразу покинуть спальню Габриеля. Тайный голос уговаривал его еще немного полюбоваться сыном, чтобы запомнить его таким, каким он был сейчас: невинным спящим ребенком, не подозревающим, что это Рождество – последнее, которое он проводит в своей собственной маленькой постельке.

Внезапно Тристан насторожился, услышав доносившийся снизу непонятный скребущий звук. Интересно, кто это шумит в такой поздний час? Может, это Берроуз и его жена-кухарка заправляют камин дровами? Нет, не может быть. Старый дворецкий и его краснощекая жена уже давным-давно удалились к себе, сгорбленные, с тоскующим взглядом, полным сожаления о прошлых веселых временах.

Странный металлический звук эхом разнесся по дому, и затем все стихло, как если бы кто-то затаился в надежде, что его никто не услышал.

Тристан тихо приблизился к открытой двери и выглянул наружу. Кто-то, мягко ступая, ходил по нижнему этажу. Тристан замер на месте.

Неужели воры? Он слышал, что они особо предпочитают Рождество, когда многие отправляются навещать родственников и друзей, оставляя дом без присмотра. Не будь здесь Тристана, воры могли бы беспрепятственно доверху наполнить мешки семейным серебром, и никто бы даже не пошевелился. На ночь миссис Берроуз затыкала уши кусочками шерстяной пряжи, чтобы не слышать храпа мужа. Что же касалось самого старого Берроуза, то он спокойно проспал бы сражение при Ватерлоо, даже если бы у него над ухом палили сотни пушек.

Бросив еще один взгляд на спящего сына, Тристан неслышно вышел в коридор и на секунду завернул к себе в спальню, чтобы взять пистолет. Он торопливо зарядил его и направился к лестнице; сердце его громко колотилось, но он не собирался отступать.

Все его прежние взбудораженные чувства теперь сменились одним-единственным желанием: гневной решимостью наказать взломщиков. Наконец-то перед ним был враг из плоти и крови, а не бесплотные демоны, терзавшие его страдающую душу.

Тристан осторожно спустился по лестнице, и звуки стали громче и яснее. Гостиная – вот где находился их источник. Нервы Тристана были напряжены до предела, челюсти сжаты. А если там не один вор, а несколько? А если они вооружены? Услышат ли Берроуз с женой шум борьбы? Что будет с Габриелем, если... если Тристан умрет?

Его рука еще крепче сжала рукоятку пистолета, жестокая мысль обрела ясность. Его смерть мало что изменит в жизни сына. Будущее мальчика уже определено, и механизм уже запущен.

Тристан приблизился к двери гостиной. Закрыта... Несомненно, разбойники таким образом хотели заглушить производимый в комнате шум. Он протянул левую руку к ручке двери, в то время как десятки ужасных предположений промелькнули у него в мозгу. Наконец, по-прежнему крадучись, он открыл дверь.

Глава 2

Затаись в комнате банда убийц, они наверняка бы успели изрезать Тристана на кусочки, столько времени он простоял в неподвижности, ошеломленный открывшимся перед ним зрелищем.

В углу была построена башня из ломберного стола, кожаного кресла Тристана, двух стульев и обитой шелком скамеечки для ног, и на вершине сооружения, словно ангел на церковном шпиле, стояла на цыпочках женщина в сером платье. Коленьями она сжимала молоток, три гвоздя торчали у нее изо рта, и при этом она что-то напевала, стараясь приладить к гвоздю на потолке подобие огромного рождественского венка из вечнозеленых веток омелы и остролиста, а также яблок, ярких лент и свечей.

Венок из омелы в этом доме, где все давно забыли о поцелуях? Неужели? Видимо, так – наконец догадался Тристан.

– Что здесь происходит? – строго спросил он, и его палец невольно нажал на курок. Последовал выстрел, а за ним с потолка посыпалась штукатурка. Женщина вскрикнула, повернувшись к Тристану побелевшим от ужаса лицом. Молоток с грохотом скатился на пол. Башня опасно зашаталась, и сверху посыпались гвозди. Тристан успел разглядеть расширенные от страха золотисто-карие глаза, и все этажи сооружения стали рушиться. В напрасной попытке сохранить равновесие женщина попыталась ухватиться за венок, но безуспешно.

И тогда Тристан не раздумывая швырнул в сторону пистолет и поспешил на помощь женщине, будто катастрофу еще можно было предотвратить. Но стулья, кресло и скамеечка с грохотом один за другим слетели на пол, а за ними и женщина, упавшая прямо на Тристана. Раздался глухой удар, за ним крик боли, и они вдвоем рухнули на пол.

Тристан выругался, стараясь ухватить женщину за руки и прижать к земле, а она извивалась под ним и царапалась как дикая кошка.

– Проклятие, да перестань ты драться! – закричал он со злостью, придавив ее весом своего тела.

Ее упругие груди оказались под его грудью, юбки запутались вокруг бедер, ноги больше не двигались, прижатые к полу его ногами. Женщина пахла морозом, снегом и зеленью остролиста, ее золотисто-карие глаза горели возмущением на бледном лице, окруженном облаком рыжих волос.

– Кто вы, черт побери? – спросил Тристан, ощущая, как внезапно пробудилось его тело от соприкосновения с телом женщины. – И что вы делаете в моем доме?

– Меня зовут Алана Макшейн. Я хотела повесить венок, – задыхаясь произнесла она. – Вы всегда стреляете в людей по таким пустякам, Тристан?

– Только если они без спросу проникают в мой дом. Кто-нибудь послал вас сюда? Неужели мои сестры придумали такую...

– Нет, я забралась к вам в дом сама.

Тристан подумал, что, наверное, один из стульев слишком сильно ударил его по голове.

– Вы забрались ко мне в дом, чтобы украсить его к Рождеству? А вы не сумасшедшая?

– Да, сумасшедшая, у которой на голове скоро будет шишка величиной с купол собора Святого Павла. – Женщина попыталась высвободиться. – Я не сумасшедшая. Я просто хотела... У вас тут есть мальчик... Как можно лишать ребенка чудесного праздника Рождества?

Боже мой, неужели это все-таки родственники? Они замучили Тристана просьбами устроить Рождество для Габриеля. Некогда его винит в бессердечии незнакомка, это уже слишком. У него задержался мускул на щеке, а лицо превратилось в суровую маску.

– Собирайте вашу ерунду и вон из моего дома, – сказал он, поднимая женщину на ноги. – И скажите тем, кто вас послал, что я сам позабочусь о моем сыне. Мне наплевать, Рождество сейчас или нет! И мне наплевать на вас!

– Папа, это ты? – спросил робкий голосок из-за двери.

– Габриель, немедленно отправляйся обратно к себе в комнату! – закричал Тристан.

Но было уже поздно. Мальчик в белой ночной рубашке, словно бледное привидение, проскользнул в комнату, держа под мышкой своего любимого тряпичного пони. Сонные глаза Габриеля быстро скользнули по стульям и креслу, валяющимся на полу, по двум растрепанным после борьбы фигурам и все еще раскачивающемуся на гвозде под потолком венку.

– Ох, папа! – восхитился Габриель и подошел поближе. Его глаза округлились от изумления и наконец остановились на Алане Макшейн. Габриель с силой втянул носом воздух и замер, боясь разрушить волшебство. – Какая... какая ты красивая! – выдохнул он, словно увидел сотканную из лунного света фею.

Тристан почувствовал раздражение, хотя и не знал, что так глубоко поразило мальчика: венок под потолком или стоящая перед ним женщина. Грустный мальчик так редко чем-нибудь восхищался, что теперь его восторг раскаленным железом жег душу Тристана.

– Я тут ни при чем, – пробормотал он. – Это все эта воровка, она учинила разгром.

– Я не воровка! – отвергла обвинение женщина.

– Она говорит правду, папа! Она не может быть воровкой, – вступил в разговор тоненький голосок Габриеля. – Она ничего у нас не взяла. Она все купила сама. И остролист, и омелу, и рождественские свечи.

Слова сына привели Тристана в бешенство.

– Я не буду спорить с тобой, Габриель. Отправляйся к себе наверх. А вы... – Он гневно посмотрел на женщину. – Вы забирайте весь этот мусор и уходите, пока я не отправил вас в участок.

– Отправляйте, – упрямо вздернула подбородок женщина. – Интересно будет послушать, как вы объясните мое преступление констеблям.

– Нет, папа! – воскликнул Габриель и бросился между отцом и женщиной. Игрушечный пони покатился по полу, а мальчик обхватил руками юбки женщины.

– Успокойся, моя радость, – сказала она. – Все будет хорошо.

– Он хочет прогнать тебя! – возмутился Габриель, с укором глядя на отца. – Я не позволю тебе этого, папа! Она моя! Я просил, чтобы она пришла сюда!

– Ты просил, чтобы она пришла? – удивился Тристан, пораженный взрывом сыновнего негодования.

Подумать только, его сын, который всегда держался с ним с подчеркнутой вежливостью, как с чужим, теперь прижимался к юбкам Аланы, как если бы она была его единственным спасением. Боль обиды была глубже, чем Тристан мог предположить.

– Но, Габриель, мы не можем оставить здесь эту женщину. Мы даже не знаем, кто она такая!

– Но Боженька знает! – На лице мальчика появилось такое же упрямое выражение, что и на лице его отца. – Она ангел. Мой ангел. Я попросил мне помочь, и мама прислала мне ее.

Непререкаемая вера сына ранила Тристана в самое сердце.

– Успокойся, Габриель, прошу тебя, – сказала незнакомка. Женщина называла его сына по имени и при этом гладила его по мягким золотистым кудрям. Откуда она знает имя его сына? И его собственное тоже? Тристан отогнал мрачные подозрения. Наверное, она узнала их имена у его сестер... Или у кого-то другого, затеявшего все это. Мысль о том, что кто-то проник в его тайны и стал свидетелем его мучений, пронзила Тристана насквозь. Все равно он найдет виновного, и тогда берегитесь...

– Посмотри на нее, Габриель! – воззвал к сыну Тристан. – Ну разве она похожа на ангела? Будь у нее крылья, она бы не стала громоздить башню из стульев, а потом падать с нее вниз, так что чуть не убила и меня, и себя! Она бы парила под потолком на своих крыльях!

– Мама говорила, что ангелы бывают разные. Она говорила, что надо всегда хорошо себя вести, потому что ангел может явиться перед тобой в любом месте и в любой час.

Господи, что говорит его сын? Неужели Габриель верит в сказки об ангелах и в то, что его мать ответила на его молитвы? Как убедить тоскующее дитя, что чудо невозможно?

Тристан подошел к сыну и опустился на колени, чтобы смотреть мальчику в глаза.

– Наверное, мама была права, Габриель. И все-таки эта женщина не ангел. Ей здесь не место.

– Не смей ее прогонять! – Огонек неповиновения впервые загорелся в темных глазах Габриеля. – Я тебе не позволю.

– Послушай, Габриель... – Женщина замолчала, явно подыскивая объяснение. – Я могу опоздать на дилижанс...

Габриель вопросительно поднял брови:

– Дилижанс, чтобы попасть на небеса? А я думал, что ты просто летаешь куда тебе надо. – Он повернулся к Тристану: – Пожалуйста, папа! Я никогда ни о чем тебя не просил. Мне даже было все равно, что ты забыл о Рождестве. Ну не совсем, но чуточку... Но я не хочу, чтобы ты ее прогонял!

– Но она ведь не щенок, а женщина! – вспыхнул Тристан, борясь с противоположными чувствами. – Она человек, Габриель, ты не можешь так просто распоряжаться ее судьбой!

– Боженька прислал ее, – продолжал упорствовать мальчик.

– Было бы лучше, если бы Боженька прислал нам гувернантку.

– Может, он ее и прислал! Она моя гувернантка! – Лицо Габриеля просветлело. – Ты так сильно рассердился, когда мисс Гримвидл не приехала. Может, Боженька услышал, как громко ты сетовал?

Тристан еле сдерживал гнев.

– Ради Бога... – начал было он и остановился. – Нет, черт возьми, Богу тоже наверняка поднадоела вся эта история.

– Пожалуйста, перестаньте, вы оба! – взмолилась Алана. – Будет лучше, если я уйду.

– Нет! – Габриель еще крепче вцепился в Алану, слезы заблестели у него на глазах, в голосе зазвенело отчаяние. – Ты только взгляни, папа, как прекрасно она все украсила! Совсем как прежде. Как это делала бабушка. Как могла она обо всем догадаться, если бы не была ангелом?

– Не говори глупостей, Габриель.

Тем не менее Тристан невольно окинул взглядом камин, увитый гирляндами остролиста, и с изумлением отметил, что алые банты, позолоченные орехи и фрукты находились в тех самых местах, куда из года в год помещала их его матушка.

Тристан почувствовал, как мурашки побежали у него по коже. Откуда эта незнакомка узнала, куда поместить то или иное украшение или бант? Наверняка кто-то из навязчивых неумных родственников прислал сюда эту упрямую дерзкую особу. Тристан не мог найти никакой другой разгадки.

Он снова перевел взгляд на женщину, которая осторожно, но твердо пыталась освободиться от цепляющегося за нее Габриеля, и с трудом удержался, чтобы не вышвырнуть Алану Макшейн вон из комнаты и с удовольствием захлопнуть за ней дверь.

Тем временем она покинула гостиную и направилась в прихожую, и Тристан последовал за ней, пытаясь силой оторвать плачущего сына от женщины, прелестное лицо которой искалось от боли и растерянности.

Она хотела что-то сказать, но удержалась, открыла входную дверь и тут же отпрянула назад, отброшенная порывом яростного ветра, ворвавшегося в комнату. Снаружи густая пелена падающего снега скрывала все на расстоянии вытянутой руки: двор, железные ворота и улицу за ними; казалось, дом, будто шхуну, швыряло по волнам белого бушующего моря.

Господи, метель, этого только не хватало! Как он не услышал бешеного завывания ветра?

Не скрывая испуга и растерянности, Алана остановилась на пороге, глядя на непроницаемую белую пелену.

– Наверное, мне придется отправиться на небеса на санях, Габриель, – пошутила она со слабой улыбкой.

– Нет, тебе нельзя выходить на улицу в такую метель! – испугался Габриель. – Папа, останови ее! Она может заблудиться, папа, она может потерять дорогу! А что, если она упадет и замерзнет?

– Конечно, настоящему ангелу с крыльями не страшен слабый снежок, верно, мисс Макшейн? – Губы Тристана скривила насмешливая улыбка. – Или ваши крылья не приспособлены к нашей земной жизни? Или они пригодны только для того, чтобы парить над серебристыми облаками и перелетать со звезды на звезду? Наверное, в нашей обыденной жизни они ни к чему.

– Не беспокойтесь, я как-нибудь доберусь до дома.

«Как же, доберешься! – с неприязнью подумал Тристан. – Ни за что на свете. Знаю, ты наверняка заблудишься в лабиринте улиц и приплетешься обратно к нам под окно, или, хуже того, тебя убьет какой-нибудь бродяга, которому ты предложишь спеть с тобой вместе рождественский гимн».

– Нет, с меня довольно, – отрезал Тристан, за локоть втащил женщину обратно в дом и с силой захлопнул входную дверь. – У меня на совести и без того немало грехов, чтобы добавлять к ним еще и замерзшего ангела.

Габриель подпрыгнул от радости, и следы его босых ног отпечатались на снегу, наметенном ветром в прихожую.

– Пойдем со мной, Алана, ты уложишь меня спать, – предложил он. – Моя мама рассказывала тебе, что она это делала каждый вечер?

И Габриель доверчиво протянул свою ручонку Алане, а Тристан в гневе и отчаянии сжал кулаки. Черт бы побрал эту женщину! Он разрешил ей остаться переночевать, но не морочить голову Габриелю всякой чепухой.

Но он не мог насильно оттащить от нее Габриеля и теперь беспомощно наблюдал, как вместе с его сыном она поднялась по лестнице и скрылась в глубине его дома, где в темных углах безмолвных комнат и коридоров таилась тоска и ничто больше не напоминало о царивших здесь прежде веселье и радости.

Полный ненависти, Тристан смотрел ей вслед, но не мог не залюбоваться ее гибкой фигуркой. Габриель вел ее к себе в детскую, ту самую, где Тристан ребенком предавался невозможным мечтам, исчезнувшим перед лицом суровой действительности. Лишь один короткий миг держал Тристан в своих испачканных краской руках видение настоящего счастья.

Теперь Тристану не оставалось ничего другого, как последовать за ними. В детской он прислонился к стене в полном теней углу и, остро ощущая присутствие женщины, не спускал глаз с нее и сына.

Детская, как обычно, была в идеальном порядке, что всегда больно отзывалось в сердце Тристана, потому что не няня, не гувернантка, не горничная следили за порядком, а наводил его сам Габриель. Мальчик словно страшился, что малейший его проступок, шум, производимый его играми, или разбросанные игрушки будут иметь для него ужасные последствия. И больше всего Габриель боялся, что его увезут далеко от дома.

Со сжавшимся сердцем Тристан наблюдал, как Габриель юркнул под одеяло, а женщина, его «ангел», сидя на краю постели, привычным жестом, словно делала это всю жизнь, подоткнула одеяло и выслушала молитвы, произносимые детским, еще немного шепелявым голосом.

Было похоже, что она оказалась тут больше к месту, чем он сам, отец Габриеля.

Борясь со сном, мальчик никак не хотел отпускать ее руку, и Тристан ощущал всю глубину его страха.

– Обещай мне, что не уйдешь не попрощавшись... Как ушла мама, – умолял Габриель, глядя в ясные, полные сострадания глаза «ангела». – Я не засну, пока ты мне не пообещаешь...

Тихое всхлипывание вырвалось из груди женщины, она схватила мальчика в свои объятия вместе с одеялом, прижала к себе и начала напевать полузабытую колыбельную. Но она не стала давать Габриелю невыполнимых обещаний, и это еще больше рассердило Тристана.

Как Тристан ни сопротивлялся, он не мог не поддаться убаюкивающей ласке нежной мелодии. Она проникала в его измученную душу и успокаивала, как некогда прикосновение материнской руки.

Эта женщина, явившаяся неизвестно откуда, понемногу завладевала всем его существом. Взгляд Тристана скользил по тонким чертам ее лица: небольшой рот, выразительные глаза, немного веснушек на переносице чуть вздернутого носа. Она обладала почти неземной красотой, той, что рождается из туманов и легенд Ирландии, была тем созданным рукой Всевышнего совершенством, в котором сочетаются прелесть только что расцветшей розы и кремовые тона свежих сливок, золотистая глубина янтаря и загадочность беззвездной ночи.

С мучительным удовольствием Тристан припомнил нежное прикосновение ее груди и запах рыжевато-каштановых волос, сладкий аромат меда и корицы. В какой опасной близости был ее рот от его рта, когда она лежала под ним на полу гостиной, какими соблазнительными были ее мягкие губы...

Что это, земное искушение или темное колдовство, ведущее к безумию? Потому что только безумец мог в бездействии созерцать незнакомку и сына, негодовать против женщины и желать выбросить ее из дома, из своей жизни и в то же время позволять демону, спящему в глубинах души, будить давно забытые чувства. Такие, как желание заключить в объятия странного ангела Габриеля. Тристан хотел обнять ее, как обычный мужчина обнимает женщину, прикоснуться к ней, ощутить ее вкус, лечь вместе с ней, чтобы она утешила его совсем другим способом, чем утешает его сына.

Рассерженный собственной слабостью, Тристан с трудом подавил стон. Разве он не способен распознать приступ обычного вожделения? Небу известно, что после смерти Шарлотты в его жизни не было женщины, да и в последние годы совместной жизни им нелегко было прикасаться друг к другу, как нелегко было найти дорогу от сердца к сердцу.

Тристан с облегчением заметил, что Габриель наконец уснул. Тогда он быстро подошел к кровати и одним сильным движением схватил женщину за запястье. Она подняла на него испуганный взгляд удивительно знакомых золотисто-карих глаз, хотя Тристан не сомневался, что видит ее впервые в жизни.

Он рывком поднял ее на ноги и вывел из детской. В коридоре Тристан повернул ее лицом к себе и отметил, как ярким пламенем вспыхнули ее волосы на фоне белой штукатурки стены. Внезапно он почувствовал неистовую потребность поцеловать ее, равной которой не знал никогда в жизни. Целовать ее без счета, до тех пор пока у нее не ослабеют колени, а у него не заживет рана в сердце. Он представил себе эту картину так ярко, что в ужасе содрогнулся. Испытывая отвращение к себе, Тристан отпустил ее руку. Он знал, что уже никогда не забудет теплого тела Аланы Макшейн, ее сердца, пульсирующего в запястье... И того страстного поцелуя, которым им никогда не обменяться.

– Вы должны мне кое-что объяснить, ангел, – сердито сказал он, скрывая под раздражением свое влечение, растерянность, желание. – Что все-таки за всем этим кроется?

Глава 3

– Когда Габриель открыл окно в гостиной, я услышала, как он просит звезды исполнить его желание, – произнесла Алана звонким мелодичным голосом. – Он казался таким одиноким и печальным.

Тристан вздрогнул, как от удара, и его взгляд стал еще более суровым.

– Вам нет никакого дела до моего сына.

– Боюсь, что тут вы ошибаетесь. Вы сами слышали Габриеля. Он... он хотел, чтобы я осталась здесь.

Ударь она Тристана, она не могла бы сделать ему больнее.

– К черту, довольно этой ерунды! Вы не более ангел, чем королева! А что касается желаний, то это сушая чепуха. И мальчик знает это лучше, чем кто-либо другой. На прошлое Рождество он желал, чтобы его мать выздоровела, и это оказалось пустой тратой времени. Три недели спустя она умерла. А теперь отвечайте: кто вас сюда прислал? Какая из моих надоедливых сестер...

– Бет меня не присылала, а Эллисон не посмела бы...

– Они вас не присылали, но вы знаете их имена? – едко улыбнулся Тристан. – Сколько они вам заплатили, чтобы устроить этот спектакль? Я уже сто раз говорил им, что для меня с Рождеством покончено навсегда.

– Не сомневаюсь, что они не стали бы вам противоречить. Они вас обожают...

– Черт возьми, вы говорите так, будто вы близкий друг нашей семьи.

– Нет, это не так. – Щеки женщины залила краска. – Я... я только хотела развеять грусть в глазах Габриеля. И больше ничего.

– И больше ничего? Все так просто? Вы забираетесь ко мне в дом и приносите с собой гору всякого рождественского хлама. Вы доводите моего сына почти до безумия, внушив ему, что вы нечто вроде ангела.

Он отошел от нее подальше, чтобы не чувствовать приятного аромата, исходившего от ее волос.

– Наверное, спустись вы с небес, они бы вас там получше одели. Вот в чем штука. Ваше платье... Да разве мои сестры станут водить знакомство с кем-нибудь подобным вам? Никогда не поверю, что вы одна из их подруг. Даже их слуги носят лучшую одежду.

Женщина еще выше вздернула подбородок.

– Если бы я знала, что для такого случая следует наряжаться, я бы надела свое самое лучшее воскресное платье.

В одно мгновение Тристан схватил ее за плечи и почти прижал к себе; он наклонился к ней, ощущая ее теплое дыхание, и ее лицо поплыло перед ним, сливаясь в одно бело-розовое пятно.

– Не шутите со мной, милая. Сначала вы подслушиваете мечты моего сына, потом вешаете венки в том самом месте, где он висел каждое Рождество с тех пор, как я себя помню, и, наконец, оказывается, что вы называете моих сестер по именам. Так кто же вы такая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.